

Пропозициональный подход к изучению семантики прилагательного

Горланов Александр Андреевич

Студент Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

Вопрос о семантике прилагательных уже не один век интересует лингвистов. Повышенный интерес к данной проблематике в последнее время обуславливается установками современной лингвистики на объяснение фактов и явлений языка, поэтому во многом закономерно то, что языковая семантика оказалась в центре многих научных исследований.

При этом семантика производного прилагательного исследовалась, как правило, лишь на уровне синтагматических отношений зачастую без учёта деривационных процессов и особенностей функционирования таких базовых словообразовательных категорий, как тип и гнездо.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, словообразование уделяет особое внимание изучению категорий через глубинный синтаксис, подтверждая тот факт, что именно в *глубинных структурах* слова (термин Н. Хомского) заключены особенности его семантической интерпретации. Идеино близким *глубинному синтаксису* стало применение пропозиции в качестве единицы анализа отношения на словообразовательном уровне. Прежде всего, в работах Е.С. Кубряковой и М.Н. Янценецкой, а также их учеников появилась и получила дальнейшее развитие методология взаимодействия производного слова и пропозиции.

Актуальной задачей современного словообразования является «описание парадигматики производных через пропозиционально-семантическую структуру словообразовательного типа» [Араева: 11].

Преимущество пропозиционального подхода как метода анализа СЗ заключается в возможности по-новому взглянуть на механизм деривационных процессов и связанных с ними когнитивных сфер. Исследование объемного эмпирического материала производных субстантивов с применением методик пропозиционального анализа уже дало весомые результаты.

На данный момент в дериватологии не осуществлено комплексное рассмотрение отсубстантивных прилагательных через пропозициональную организацию СТ.

Под пропозицией принято понимать «структурно-семантическую схему построения производных слов, отражающую языковое воплощение некоего положения дел в действительности» [Евсеева: 32]. Связь пропозиции с языковой единицей подтверждается на материале производных субстантивов. В пределах таких СТ, как «С+НИЦ(а)», «С+ИН(а)», «С+АТОР» частотными схемами образования производных являются «субъект-действие-объект», «объект-предикат-субъект».

Любое слово актуализирует пропозициональную структуру, поэтому ожидаемо предполагать, что в основе процессов номинации предметов, действий и признаков находятся одни и те же структурно-логические схемы. По сути, первые попытки проанализировать дериваты на основе тождества форманта в виде некоторой схемы можно найти уже в «РГ-80». Так, значение прилагательных с суффиксом *-ий* характеризуется следующим образом: «свойственный, присущий (реже – принадлежащий) тому, кто назван мотивирующим словом» (“признак-предикат-субъект” - *лисий, рыбий, мужичий, вдовий и т.д.*). Вслед за И.В. Евсеевой стоит признать, что «авторы “РГ”, скорее всего, интуитивно выделяли в пределах типов простейшие уровни абстракции». Остановимся подробнее на прилагательных с суффиксом *-ий*, которым присущ семантический признак посессивности, что находит отражение в пропозициональной структуре:

Лисий (хвост), рыбий (плавник), заячий (характер) – «определяемый через отношение к субъекту (объект отношений)».

Значение прилагательных довольно абстрактно. Вне контекста оно передает лишь общий характер притяжательности, не дающего целостного представления о ситуации-пропозиции. Включение определяемого слова в пропозициональную структуру позволяет конкретизировать: 1) *лисий хвост* – «принадлежащее лисе» - часть тела – предикат – субъект; 2) *лисыя нора* – место-предикат-субъект; 3) *лисыя шуба* – «сделанная из меха лисы» - результат-предикат-материал. Таким образом, применение пропозиционального подхода даёт возможность исследовать семантику прилагательного не только со стороны производящего слова, но и со стороны ключевого для него существительного.

В РГ-80 для прилагательных с *-ий* в качестве мотивирующих приводятся нарицательные названия лиц (*охотничий, часовщикий, рыбацкий, великаний, девичий, мальчишечий, бродяжий*), животных (*зверушечий, пескарий, лисий, утячий, бычачий и т.д.*). Необходимо подчеркнуть, что при анализе дериватов важно учитывать характер и особенности мотивирующих единиц. Посредством мотивации не просто организуется семантическая связь между производным и производящим, но и вычленяется основа для понимания внутренних связей между единицами СТ. На основании приведенных выше производных отметим: мотивирующее пространство СТ «Прил+-ий» представлено мотиваторами двух тематических групп: «Животные, птицы, рыбы» и «Человек». Мотиваторы данных ТГ являются ядерными и определяют смысловую (пропозиционально-семантическую) организацию СТ.

С другой стороны, в пределах типа «Прил+-ий» возможно появление дериватов, мотивированных единицами других ТГ. Напр., *вопли автомобиля (Маяк.)*. Это вполне закономерно и объясняется внутренней организацией СТ, в пределах которого разворачиваются упорядоченные семантический ряды, как прототипичные, так и периферийные для языкового сознания. Формирование окказиональных смыслов в производных, мотивированных единицами нехарактерных для данного типа ТГ, детерминировано особенностями СТ как ментально-языковой категории. Именно в области периферии возможно расширение границ СТ и его корреляция с другими типами, создающее некое «взаимопроникновение смыслов», столь необходимое для эмфатизации высказывания.

Рассмотрение прилагательных через пропозициональную организацию СТ позволяет по-новому взглянуть на сложную семантику признаков слов, требующую в своем исследовании многоаспектного и глубокого взгляда на природу адъективов, что выводит освещение данной проблематики в ранг приоритетных задач лингвистики.

Литература

Араева Л.А. Словообразовательный тип. М., 2009.

Евсеева И.В. Словообразовательный тип: антропоцентрический подход. Красноярск, 2005.

Универбация как один из активных способов компрессивного словообразования

Дозорова Дарья Владимировна

Студентка Ульяновского государственного университета, Ульяновск, Россия

В силу действия закона речевой экономии и влияния экстралингвистических факторов, на сегодняшний день широко распространена универбация как способ компрессии. Подобные наименования отличаются стилистически от нейтральных вариантов большей экспрессивностью, что чрезвычайно важно для их использования не только в разговорной речи, но и в публицистике, рекламе, а подчас и в официальной речи.

Сложность в описании производных вызывает само понятие «универбация», которое исследователи толкуют по-разному. В научной литературе используются термины «универбация» [Земская 2000: 118], «включение» [Янко-Триницкая 2001: 375-

376], «семантическая компрессия» [Лопатин 1997: 577], «семантическая конденсация» [Цао Юэхуа 2003: 71]. Для реализации целей нашего исследования было принято следующее определение: универбация – лексико-синтаксический способ словообразования, при помощи которого создаются вторичные свернутые наименования на базе синонимичных им словосочетаний по модели «имя прилагательное + имя существительное + суффикс», причем производные универбаты отражают лексическое значение не только прилагательного, но и существительного (либо нескольких существительных).

Объектом исследования явились производные универбаты, полученные в ходе сплошной выборки из газетных статей.

Материалом послужили выпуски №1 - №3, №5 «Новой газеты» и №67, №69, №95 «Российской газеты» за 2010 г. В основу исследования легли теоретические положения, представленные в работах Е.А.Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, Н.А. Янко-Триницкой, Н.С. Валгиной и др.

В результате сплошной выборки было получено 99 производных, из которых только 55 оказались неповторяющимися. Производные были объединены в следующие тематические группы по степени убывания продуктивности.

1. «Лицо по роду деятельности и положению» - 49 лексем (оперативник – сотрудник оперативного отдела).
2. Различные наименования, не относящиеся к конкретной группе – 15 лексем (поисковик – поисковая система).
3. «Помещения, дороги и учреждения» - 12 лексем (бытовка – бытовое помещение, грунтовка – грунтовая дорога).
4. «Виды транспорта» - 7 лексем (товарняк – товарный состав).
5. «Технические приборы и вещества» - 9 лексем (прослушка – прослушивающее устройство, взрывчатка – взрывчатое вещество).
6. «Документы, бумажные носители» - 5 лексем (анонимка – анонимное письмо).
7. «Напитки» - 2 лексемы (минералка – минеральная вода).

Наиболее продуктивная группа со значением «лицо по роду деятельности и положению» обращает на себя пристальное внимание, поскольку большинство слов в ее составе мотивируется не двухсловным словосочетанием, а целым развернутым определением. Семантическую важность при этом приобретают все слова, а не только базовая производящая основа (бюджетник – работник учреждения бюджетного финансирования, боевик – член боевой организации).

Принято считать, что наиболее продуктивный аффикс для образования универбов – суффикс –к(а). Однако наше исследование лишь частично подтверждает данное мнение (было обнаружено 36 производных с таким суффиксом) и обращает внимание на активность слов с персональной семантикой, использующих суффикс –ик (46 лексем). К непродуктивным аффиксам относятся суффиксы –ок (совок), -ух(а) (чернуха), -як (товарняк), -лк(а) (курилка), -ак (левак).

Поскольку многие универбаты, использующие в качестве производящей основы одно и то же прилагательное, соотносятся с разными словосочетаниями, постольку возникают омонимичные формы. Об этом явлении упоминают многие исследователи, например Е.А.Земская [Земская 2000: 118]. Слово персоналка имеет в разговорной речи несколько омонимов со значениями персональный компьютер, персональное дело, персональный автомобиль. В нашем исследовании встретились следующие варианты значений: персоналка – персональный автомобиль («До самого ареста Черных работал водителем персоналки в Центробанке РФ...», «НГ», №2, 2010); коммуналка – коммунальные услуги (разговорные омонимы – коммунальная квартира, коммунальная служба) («Ладно бы коммуналка, амортизация или рост заработной платы, так в перечне расходов ... нерасшифрованные “прочие расходы...”...», НГ, №2, 13.01.2010).

Примеры подобных разговорных универбатов с разными значениями были взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ: <http://www.ruscorpora.ru/> 21.02.2011].

Не все универбы, полученные в ходе исследования, отражены в словарях (например, вторичка, федералка, прослушка, попсовик, развлекалка и др.), поэтому семантика данных слов может быть выявлена только предположительно. Однако большая их часть отражена в Национальном корпусе русского языка, например, прослушка в значении «прослушивающее устройство», вторичка – «вторичное жилье» или «квартиры вторичного рынка», федералка – «федеральная дорога» [НКРЯ: <http://www.ruscorpora.ru/> 21.02.2011].

Производное «биометрика» в Национальном корпусе зафиксировано только как название журнала: «О. Андерсон опубликовал в журнале «Биометрика» научную статью...» [НКРЯ: там же]. Однако наши материалы дают значение «биометрические документы» («Но это не значит, что владельцам существующей версии “биометрики” придется его менять», РГ, №67, 01.04.2010).

Исследование подводит к следующим выводам.

1. Универбация является эффективным способом компрессии, помогающим сворачивать не только двухсловные, но и многословные наименования.

2. Продуктивность модели универбов персональной семантики с суффиксом –ик в речи возрастает, и язык пополняется новообразованиями, созданными из многословных официальных наименований лиц.

3. Наиболее продуктивные форманты – суффиксы –ик, –к(а); меньшую частотность проявляют –ок, –як, –ух(а), –лк(а), –ак.

4. Универбация является настолько востребованным способом словообразования, что ее реализацию не останавливает даже возникновение омонимов.

5. Многие из универбов требуют более тщательного толкования и фиксации в словарях.

Литература

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995)/ Отв. ред. Е.А.Земская. М., 2000.

Лопатин В.В. Универбация // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. М., 1997.

Цао Юэхуа. Разговорная речь в газетной публицистике // Русская речь. 2003. № 5. С. 71–76.

Янко-Триницкая Н.А. Выводимые слова, соотносительные с несколькими базовыми словами или со словосочетанием // Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

О многозначности субстантивного деривата глагола

Жесткова Ольга Сергеевна

*Аспирантка Пензенского государственного педагогического университета
им. В. Г. Белинского, Пенза, Россия*

Деривационная лексика как особый пласт словарного состава языка представляет большой интерес для исследователей. Обнаруживая широкий спектр внутренних характеристик, производные слова рассматриваются с различных позиций, как функциональных, так и когнитивных. Однако феномен деривации остается дискуссионным и не получил до сих пор исчерпывающего разрешения.

Предметом нашего рассмотрения является группа дериватов глаголов созидания и разрушения типа *строить*, *уничтожить* и т.п., образованная по наиболее продуктивной модели «глагол – существительное» или *субстантивная деривация*, характеризующаяся «регулярностью и семантической монолитностью» [Князев 1996:

130]: н-р, *воспроизведение, переработка, ликвидация, выпуск* и т.п. Подобные отглагольные существительные со значением действия (состояния) в лингвистике принято относить к области *синтаксической деривации* (М. Докулил, Е. Курилович, Е. А. Земская), именуемой *транспозицией* у Ш. Балли и *трансляцией* у Л. Теньера, с указанием на близость семантики мотивирующего глагола и производного имени.

Анализ семантики имен действия, однако, показывает неправомочность вывода об отнесении девербативов к классу синтаксических дериватов и демонстрирует возможность отсутствия полного семантического тождества между глаголом и производным существительным [Жесткова 2010: 239-241]. Важным представляется установление факторов, определяющих возникновение имен действия и развития полисемии, феномен которой в русском языке уже достаточно хорошо описан. В лексической семантике принято выделять три типа многозначности: радиальную, цепочечную и радиально-цепочечную. Более сложную типологию словообразовательной полисемии предлагает И. А. Ширшов, который берет за основу гнездовой критерий, выделяя развитый, отраженный, аффиксальный, наращенный и комбинированный типы многозначности [Ширшов 1996: 55–66].

В зависимости от источника формирования новых значений среди исследуемых девербативов наблюдаются различные типы многозначности:

(1) *Отраженный* тип (15,1 %) мотивирующий глагол передает или отражает свои значения в семантической структуре деривата (*перестроение, ломанье* и др).

(2) *Развитый* тип (43,4 %) характеризуется формированием нового дополнительного значения на базе производного слова (предмет, результат действия, место, субъект и т.п.): *введение, поранение* и др.

(3) *Комбинированный* (41,2 %) совмещает несколько различных типов многозначности: *раскол, знание* и др.

Случаи аффиксальной и наращенной многозначности в чистом виде выявлены не были (за исключением случаев комбинированного типа).

Определяющими, на наш взгляд, при образовании многозначных номинативов являются семантические возможности мотивирующей вербальной основы. Кроме обязательного наличия объекта (созидаемого или разрушаемого) исследуемые глаголы созидания (чаще, чем глаголы разрушения) имеют в своей структуре значение некоего повода для выполнения действия и являются *каузативными*, что наиболее оптимально для образования многозначных номинативов: наличие причины и предполагаемого результата связано с понятием сложного события (ситуации) и существованием дополнительных компонентов ситуации (объекта, способа, результата, места, инструмента и т.п.): *воспитание*, ср. 1. *Действие по глг. воспитать*. 2. *Навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной и личной жизни*. Вторичная номинация развивает значение результата действия. Источником развития полисемии в данном случае выступает прототипическая ситуация мотивирующего глагола *воспитать*. Она многокомпонентна и, помимо субъекта, предиката и объекта, включает *инструмент* (как воспитывать), предполагающий получение определенного *результата*, – сформированные навыки поведения.

Для девербативов созидания не характерно значение *состояния* по производящему глаголу. Наиболее часто встречается схема событие-объект (результат) в то время как номинативы, мотивированные глаголами разрушения, характеризуются типом процесс-состояние (результат) и обозначают положение, в котором пребывает субъект или объект ситуации в результате совершающегося или завершившегося действия. Наличие семы *состояния* в структуре номинативов можно объяснить более частой корреляцией *возвратность-невозвратность* у мотивирующих их глаголов, а также следствием актуализации компонентов производящего глагола: довести до

определенного состояния, вызывать чувства или мысли, составляющие настроение и т.п.

Таким образом, изучение факторов, определяющих возможности субстантивной деривации, с одной стороны, помогает наиболее полно охарактеризовать данный словообразовательный тип, а также выделить пути решения некоторых вопросов семантической теории (источники развития полисемии производного слова и т.д.). Образование имен действия на базе глаголов созидания и разрушения в современном русском языке далеко не всегда являет собой простую субстантивную транспозицию — оно может сопровождаться определенными семантическими сдвигами: возникновение предметной, результативной и других сем. Полученные выводы демонстрируют необходимость изучения деривационного процесса глагол – существительное в семантическом аспекте.

Литература

Жесткова О. С. О влиянии мотивирующего глагола на семантику производного слова в современном русском языке // *Функциональная лингвистика*. 2010. Т. 1. № 1. С. 239–241.

Князев Ю. П. Степени сравнения и точки отсчета // *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность*. СПб: Наука, 1996. С. 129–145.

Ширшов И. А. Типы полисемии в производном слове // *Филологические науки*. 1996. № 1. С. 55–66.

К вопросу о словообразовательной категории

Морозова Дарья Сергеевна

Соискатель, Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

В современной русской дериватологии словообразовательная категория является хотя и достаточно востребованным, но спорным и противоречивым понятием. К проблемам, связанным со словообразовательной категорией в той или иной степени обращались такие ученые, как Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, А.А. Потебня, М.М. Покровский, В.В. Виноградов, И.И. Ковалик, М. Докулил, И.С. Улуханов, Е.А. Земская, В.Н. Немченко, З.М. Волоцкая, Р.С. Манучарян, В.М. Грязнова и другие.

Словообразовательная категория характеризуется большей степенью абстракции, чем другие элементы словообразовательной системы. Это объясняется тем, что формирование словообразовательной категории апеллирует к одному из базовых процессов когнитивной деятельности человека – категоризации, понимаемой как «процесс опознавания воспринимаемых сущностей или осмысления новых сущностей через отнесение их к уже имеющимся группам, характеристики членов которых приписываются этой новой сущности и учитываются на разных уровнях осознаваемости как вводное знание» [Залевская: 99]. Исследования в области когнитивной лингвистики позволяют утверждать, что «набор отраженных в словообразовательной семантике когнитивных категорий равен набору словообразовательных категорий, существующих в данном языке» [Крючкова].

В классификации словообразовательных явлений словообразовательная категория является единицей более высокого уровня, чем словообразовательный тип, поэтому она незаменима при сопоставительно-типологическом изучении словообразования, так как в пределах словообразовательной категории взаимодействуют разные форманты, словообразовательные типы и способы словообразования. Так Р.С. Манучарян называет словообразовательный тип единицей формально-функциональной, а словообразовательную категорию – функционально-формальной.

Термин «словообразовательная категория» появился в середине XX века в связи с началом разработки теории русского словообразования в работах Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, А. А. Потебни, М. М. Покровского, В. В. Виноградова. Впервые к словообразовательной категории как единице описания обратился И.И. Ковалик, но у него она не играет ведущей роли, а является лишь ступенью последовательного обобщения словообразовательных единиц. Значительно большее внимание уделено этой единице чешскими учеными и прежде всего М. Докулилом.

В современном языкознании нет единого понимания сущности словообразовательной категории. Не исследованы как теоретические аспекты этого вопроса, так и набор словообразовательных категорий в конкретных этнических языках. По мнению Г.В. Беляковой, при изучении словообразовательной категории возникают такие проблемы, как недостаточность теоретического обоснования когнитивно-семантической сущности словообразовательной категории, отсутствие системного представления функционально-семантической сущности словообразовательной категории и четких критериев ее описания как комплексной единицы [Белякова: 3]. В качестве дискуссионных в современной русской дериватологии рассматриваются следующие вопросы теории словообразовательной категории: о тождественности и нетождественности частеречной принадлежности производящей базы словообразовательной категории; об уровне обобщенности словообразовательного значения, свойственного словообразовательной категории; о тождественности и нетождественности способа словообразования дериватов в рамках одной словообразовательной категории; об адекватности термина «словообразовательная категория» для обозначения совокупности словообразовательных типов на основе общности словообразовательного значения.

В настоящее время в дериватологии существует два основных понимания словообразовательной категории: первое заключается в отнесении к одной словообразовательной категории производных с общим словообразовательным значением, но образованных при этом разными способами; второе требует общего способа словообразования в рамках одной словообразовательной категории.

Вслед за В.М. Грязновой мы квалифицируем словообразовательную категорию как совокупность мотивированных слов разных типов и способов словообразования, объединенных общностью части речи и содержащих общий словообразовательный семантический компонент, выраженный в форманте [Грязнова: 30]. В пределах словообразовательной категории возможно чередование, как словообразовательных формантов, так и частеречной принадлежности мотивирующих слов. Мотивированные наименования, входящие в словообразовательную категорию, могут различаться типами своих семантических соотношений с мотивирующими словами. Понимаемая подобным образом словообразовательная категория соответствует складывающейся в современной русской дериватологии доктрине.

Литература

Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Волгоград, 2008.

Грязнова В.М. Личные существительные в русском литературном языке первой половины XIX века: учеб. Пособие по спецкурсу. М., 1989.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Крючкова О.Ю. Деривационные подсистемы как носители концептуальной информации // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы II Международного конгресса. М., 2004: www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/12.doc, свободный.

Функционирование диминутивов в русской разговорной речи

Солнцева Дарьяна Александровна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

В русской лингвистической традиции диминутивы обобщенно называют словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами, хотя во многих случаях отсутствует не только компонент ласкательности, но и компонент уменьшительности. (Ср. *картошка, печёнка, селёдка*). До недавнего времени большинство исследований, посвященных диминутивам, затрагивали преимущественно словообразовательный и семантический аспекты. Но вполне очевидно, что при рассмотрении данной категории нельзя ограничиваться лишь этим.

В качестве материала для данного исследования использовались тексты Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Был выбран устный подкорпус, т.к. проследив, в каких ситуациях диминутивы употребляются в разговорах между людьми, можно наиболее объективно говорить об их функциях и объяснить высокую частотность (30053 примеров) в устной речи. Мы ограничились рассмотрением только одного семантического класса: «продукты питания и напитки».

В разговорной речи диминутивы широко употребляются в определенных прагматических ситуациях. Например, М.Д. Воейкова пишет, что «уменьшительно-ласкательные имена являются одним из признаков специального "языка нянь" - того речевого регистра, который взрослые используют для общения с детьми и в детоцентрических ситуациях» [Воейкова 2004: 201]. В предложениях — *Будьте добры, дайте килограммчик огурчиков;* — *Давайте выпьем кофейку!* диминутивы употребляются в контекстах просьбы и предложения, и это далеко не единственные речевые ситуации, для которых использование уменьшительно-ласкательных слов является очень частотным.

Этими примерами подтверждается теория прагматического обоснования частотного употребления уменьшительно-ласкательных слов (по сравнению с семантическим). Однако сам по себе приоритет семантического или прагматического аспектов употребления диминутивов не объясняет их идиоэтнической специфики, того, что их частотность заметно различается в разных языках. Эта особенность, вероятно всего, связана со структурным аспектом их употребления.

Так, диминутивный суффикс *-к* является очень распространенным для образования слов с нейтральной семантикой от симплекса, который по различным причинам неудобен для использования носителям языка. Идея о том, что диминутивы являются фактором, упрощающим усвоение флективного маркирования принадлежит ученому Х. Олмстеду [Olmsted 1994]. Он заметил, что если у симплексов (производящих по отношению к диминутивам основ) множественное число выражается присоединением различных окончаний, зачастую с непредсказуемыми чередованиями в основе (ср. *уши, глаза, зубы, руки*), то диминутивные формы всегда выглядят во множественном числе одинаково (*глазки, зубки, ушки, ручки*), оканчиваются на один и тот же слог, рифмуются между собой и составляют легко воспроизводимую схему формообразования. Как показало наше исследование, к структурному аспекту также относятся ситуации избавления от редкой финали, перехода слова из категории *Pluralia Tantum* в *Singularia Tantum* и из третьего склонения в первое.

Таким образом, цель данной работы – показать, что диминутивы используются не только в ситуациях, когда предмет надо «уменьшить» или сказать о нем ласково, но и в случаях, когда семантика не играет роли, и что наличием у диминутивов прагматического и структурного аспекта можно объяснить их широкую распространенность в разговорной речи.

Литература

Воейкова М. Д. Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком. // Детская речь как предмет лингвистического исследования: Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. С. 201–203.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

Olmsted H. Diminutive morphology of Russian children: A simplified subset of nominal declension in language acquisition. Alexander Lipson: In memoriam. Columbus, Ohio, 1994.

**Особенности реализации деривационного потенциала
многозначных имен существительных с латинской корневой морфемой**

Стрижевич Екатерина Викторовна

*Старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск,
Белоруссия*

Изучение словообразовательной активности различных частей речи является одним из перспективных направлений в современной русистике. Значительный интерес представляет исследование деривационного потенциала многозначных имен существительных, лексико-семантические варианты (ЛСВ) которых имеют разные лексико-грамматические характеристики. В данной работе в центре нашего внимания оказалась группа вещественных непроеизводных имен существительных с латинской корневой морфемой (*карбункул* от лат. *carbunculus* (*уголёк*)), в семном составе которых присутствуют ЛСВ нескольких лексико-грамматических разрядов (ЛГР). В «Словообразовательном словаре русского языка» [Тихонов] мы обнаружили 14 словообразовательных гнезд с опорным – многозначным иноязычным именем существительным, ЛСВ которого относятся к разным ЛГР: к конкретным и вещественным (8 слов), к абстрактным и вещественным (5 слов), к собирательным и вещественным (2 слова), к абстрактным, конкретным и вещественным (*масса*), к абстрактным, конкретным, собирательным и вещественным (*элемент*). В процессе исследования нас интересовало, как влияет синкретичность семантики производящего на его словообразовательные возможности, какие производные от него образуются и какие семы производящего находят отражение в семантике производного.

В процессе анализа дериватов первой степени словообразования, мотивированных непроеизводным иноязычным словом, сочетающим в себе конкретные и вещественные семы, мы обнаружили следующее. В 5 словообразовательных парадигмах (СП) (*резус, пластырь, перл, консервы, цемент*) мы находим производные, мотивированные только вещественными семами, а ЛСВ с конкретными семами не дает производных.

СП одного иноязычного слова «пломба» включает в себя только дериваты, сочетающие в себе вещественные и конкретные семы опорного слова (*пломбовый, пломбировать*). Многозначность производного в данном случае является следствием многозначности производящего слова. СП двух слов (*материал, продукт*) включают в себя производные или только от вещественных (*киноматериал, продуктовый*), или только от конкретных значений базового слова (*материаловедение*).

В СП другой группы имен существительных, ЛСВ которых относятся к вещественным и абстрактным ЛГР, мы также находим однозначные и многозначные дериваты. ЛСВ непроеизводных иноязычных слов с вещественным значением являются мотиваторами для адъективных производных с формантами *-н-, -ов-, -альн-, -чат-* (*флюидаальный, конгломератовый, матерчатый*) и субстантивных производных (*пурпурин*). ЛСВ непроеизводных иноязычных слов с абстрактным значением мотивируют адъективные производные с формантами *-н-, -ов-, -альн-* (*флюидный, пурпуровый, материальный*) и субстантивное производное (*конгломерация*).

Относительное прилагательное «материальный» развивает также и качественное значение.

Анализируя СП непроезводных имен существительных, ЛСВ которых характеризуются как вещественные, так и собирательные (*опак, карамель*), мы обнаружили, что СП существительного «опак» состоит из одного адъектива (*опаковый*), мотивированного ЛСВ с вещественным значением. А СП другого существительного «карамель» включает в себя несколько производных с вещественными семами (*карамелеварочный*), несколько производных с собирательными семами (*карамелька*), а также полисемантический дериват с вещественными и собирательными семами (*карамельный*).

СП полисеманта «масса», ЛСВ которого имеют лексико-грамматические характеристики трех разрядов (абстрактного, вещественного и конкретного), мы находим производные от всех ЛСВ базового слова. Отличительной особенностью состава данной СП является наличие адвербиальных производных (*массу*), мотивированных абстрактным значением исходного слова.

Состав СП такой многозначной лексемы, ЛСВ которой относятся ко всем ЛГР (*элемент*), включает в себя набор производных от абстрактного (*элементарный*), конкретного (*пьезоэлемент*) и вещественного (*микроэлемент*) ЛСВ, не представлены только производные с собирательными семами.

Таким образом, анализ производных первой ступени деривации, мотивированных многозначным непроезводным именем существительным с латинской корневой морфемой, ЛСВ которого имеют разнородные лексико-грамматические характеристики, позволил сделать следующие выводы.

1. В состав СП многозначного слова могут входить производные, соотносящиеся как с одним, так и с разными ЛСВ производящей основы. Так, в 8 СП семантика производных соотносится только с вещественным ЛСВ исходного слова. В 7 СП мы находим однозначные производные, мотивированные одним из ЛСВ исходного (или абстрактным, или конкретным, или собирательным, или вещественным значением), и многозначные производные, содержащие в своей семантике все семы производящего. Только 1 СП включает в себя многозначные производные, в которых отражены все ЛСВ мотивирующего.

2. Многозначными дериватами, в которых реализуются все ЛСВ мотивирующих, чаще всего становятся относительные прилагательные с высокопродуктивными во многих языковых сферах суффиксами *-н-*, *-ов-*. Эта же особенность наблюдается и у глагола с формантом *-ирова-*. Некоторые производные развивают качественные (*продуктивный*) и переносные значения (*цементировать, консервировать*).

3. В проанализированных СП производные, мотивированные ЛСВ с вещественным значением, преобладают. Нулевую словообразовательную активность чаще всего мы наблюдаем у ЛСВ с конкретным и собирательным характером семантики. Отсутствие дериватов от конкретных и собирательных ЛСВ многозначного слова можно объяснить тем, что некоторые ЛСВ являются устаревшими (*консервы* в значении «очки»), малоупотребительными (*резус* в значении «обезьяна») и относятся к специальной лексике (*пластырь* в значении «приспособление из парусины для заделки пробоин на судне»).

Литература

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1990.

Русский жаргон: соотношение морфемной и безморфемной деривации (на материале наименований лица)

Чжао Сяохэн

Аспирантка Казанского федерального университета, Казань, Россия

Русский жаргон привлекает внимание ученых ещё с послереволюционных времен (см. работы Д.С. Лихачева); заметная вспышка исследований на эту тему отмечена в постсоветское время: ученые начали изучать этот феномен со всех сторон, и дискуссия вокруг него "напоминает громкий судебный процесс: pro et contra" [Елистратов: 8]. В последние десятилетия появились исследования собственно лингвистического характера, в частности, о деривации как пути пополнения жаргонного лексикона (М.А. Грачев, Е.А. Земская, Р.И. Розина, В.С. Елистратова, В.В. Химик, Т.В. Зайковская, Э.В. Балаян, Marina Radčenko и др.). Известно, что в русском литературном языке удельный вес производных слов, образованных морфемным путём, значительно превышает количество безморфемных (семантических) дериватов. Интересно выявить соотношение этих двух путей создания номинативных единиц в сфере жаргонной номинации, поскольку это проливает свет на особенности национального мышления и языковой картины мира.

В качестве объекта исследования нами выбраны жаргонные наименования лица, которые являются, на наш взгляд, самой интересной частью русского жаргона и имеют ряд чётко выраженных особенностей в плане семантики, словообразования и отражения в них народной психологии, достаточно активно функционируя в разных сферах современного общества. Нами было выявлено и проанализировано около 4500 наименований лица, функционирующих в русском жаргоне. Материал для исследования был получен методом сплошной выборки из словарей современного русского жаргона, главным образом «Толкового словаря русского сленга» В.С. Елистратова и «Большого словаря русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной.

Было установлено, что лексемы, являющиеся жаргонными номинациями лица, образованы с помощью двух основных способов русского словообразования:

I. Большое количество жаргонных наименований лица создано морфемным путем. Это, в частности, такие способы, как:

1. Суффиксация: наиболее частотны суффиксы **-ан, -ян** – **колхозан, мозган; -л(о/а)** – **квакало, трусло; -ун** – **таскун, топтун; -ант** – **врубант, интересант** и многие другие.

2. Конфигурация: **задохлик, накурник, подельник** и др.

3. Морфемное сложение: **матовед, хохмогон** и др.

II. Очень яркие и выразительные номинации лица в русском жаргоне созданы безморфемным способом. Разновидности семантической деривации как механизма личных наименований таковы:

1. Метафора. Перечислим наиболее частотные для жаргона её модели: а) человек → человек: **аквалангист** – запойный пьяница; б) представитель флоры или фауны → человек: **баобаб** – глупый человек; **комар** – начальник, шеф; г) предмет, артефакт → человек: **натюрморт** – старая женщина на пляже; д) абстрактное понятие → человек: **недвижимость** – толстая жена; е) природное явление, натурфакт → человек: **тайфун** – энергичный, активный человек.; ж) географический объект или организация → человек: **тундра** – провинциал; некультурный человек; **профсоюз** – демобилизованный солдат срочной службы; з) имя собственное → человек: **сусанин** – тот, кто не ориентируется на местности, идёт в неизвестном направлении; **печкин** – почтальон.

2. Каламбурный перенос (переосмысление внутренней формы производного слова): **подберёзовик** – сторонник, приверженец Б.А. Березовского;

мухомор - старик; зануда, скучный, неприятный человек.

3. Субстантивация: **крутой** – 1. серьезный человек, занимающийся важными делами; деловой 2. т.н. новый русский; человек, выставяющий напоказ своё богатство.

4. Жаргонная аббревиация: **бич** – бывший интеллигентный человек; **слон** – молодой солдат 1-ого года службы: "солдат, любящий особые нагрузки".

5. Усечение: **абитурь** – абитуриент(ка); **преп** – преподаватель.

6. Чистое сложение: **слесарь-унитазник** – плохой специалист, неквалифицированный работник; **супер-пупер** - человек с высоким самомнением (т.н. “фокус-покус приём”, который заключается в том, что какое-либо слово повторяется «с изменением начального звука или группы начальных звуков» и получается своеобразный «рифмованный прицеп», как бы отзвучие к базовому слову [Янко-Триницкая: 470]).

7. Энантисемия: **профессор** – недоучившийся, глупый человек с претензией на образованность; **техник** - ¹человек, который пытается что-л. строить, изобретать, мастерить; ²человек, который что-л. сломал, испортил.

Особенностью жаргонных наименований лица является включение в их состав “семантически опустошенных слов”, которые имеют один общий признак: кроме своего индивидуального значения, каждое из них ещё может обозначать любое лицо или обобщенное значение выходит на первый план, вытесняет конкретное значение и становится единственным: **сосед** - ирон. обращение к любому человеку; **пингвин** – ирон. о любом человеке.

В жаргоне представлены также особые способы деривации, близкие к окказиональным: междусловное наложение: **эмгэпиявка** – студентка бывшего института иностранных языков им. Тореза (наложение аббрев. “МГПИИЯ” на слово “пиявка”); **инженегр** – инженер; контаминация слов: **антилопа** – женщина, девушка (“анти” + “лопать” в значении “есть”, каламбур); **рукойводитель** – руководитель (от “рукой водить” в значении ничего не делать, бездельничать); отпредложенческая контаминация: **мяркошанкерный** - мяркохарактерный, слабовольный человек. Связано с выражением “мягкий характер хуже твердого шанкра”; **сутрапьян** – армянин (от русского выражения “с утра пьян”, пародируется армянская фамилия).

Таким образом, морфемный и безморфемный способы в равной степени важны при образовании единиц русского жаргона, они часто конкурируют. Однако ещё чаще в жаргоне морфемное и безморфемное словообразование переплетаются, “входят друг в друга” ввиду стремления к выразительности, экспрессивности жаргонного слова.

Литература

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М., 2005.

Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.